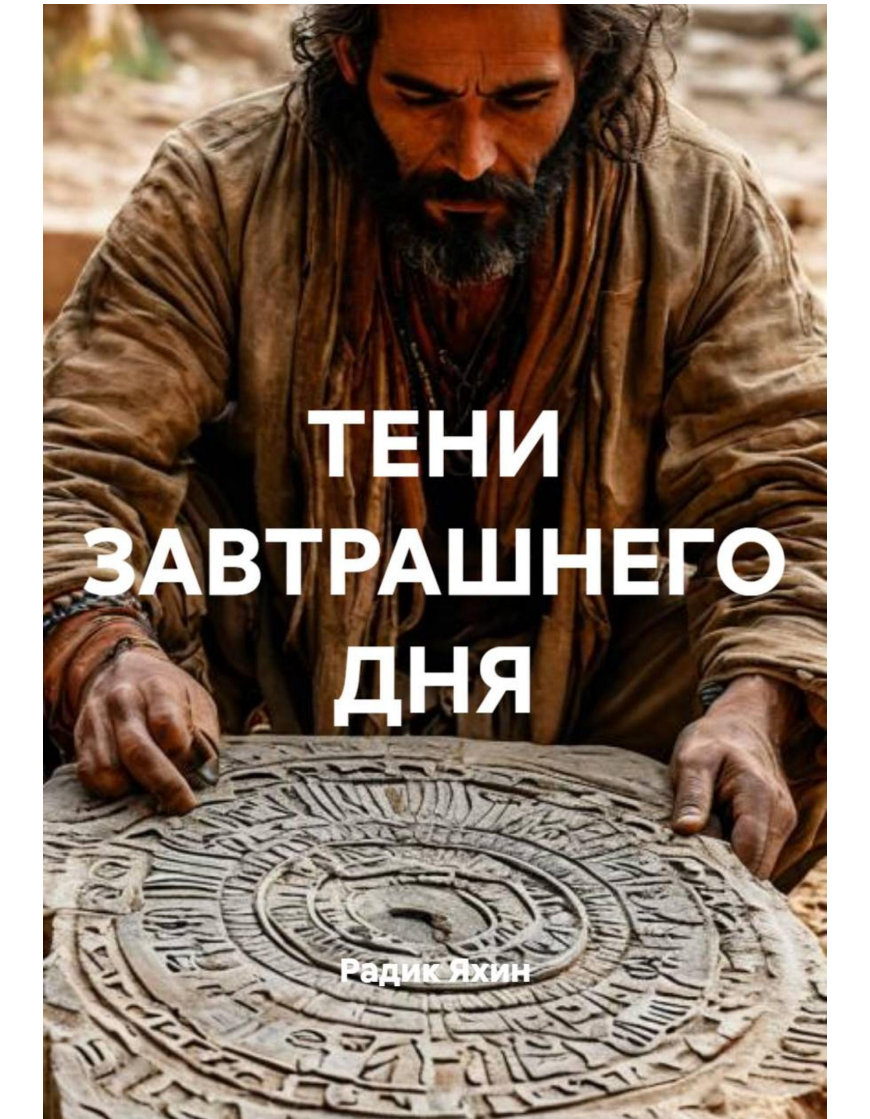

ТЕНИ ЗАВТРАШНЕГО ДНЯ

Радик Яхин

Радик Сайфетдинович Яхин

ТЕНИ ЗАВТРАШНЕГО ДНЯ

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73289653

SelfPub; 2026

Аннотация

Археолог Акил обнаруживает древнюю свинцовую табличку с пророчеством о грядущей катастрофе – событии, которое должно произойти «завтра» по расчётам астроархеологов. Текст предупреждает: «Когда состыкуются кольца времени, дыхание великого дракона испепелит всё до основания».

По мере расследования Акил и его аспирантка Лейла находят подтверждения пророчества в артефактах разных цивилизаций – от Месопотамии до долины Инда. Все культуры, несмотря на языковые и культурные различия, знали о надвигающейся угрозе и оставили схожие послания с единой датой.

Радик Яхин

ТЕНИ

ЗАВТРАШНЕГО ДНЯ

Глина под ногтями Акила была не просто грязью. Она была памятью. Памятью о тысячах рук, вылепивших этот кирпич, о свинце солнца, запекавшего его в стене, о смехе детей, чьи голоса давно растворились в ветре. Он сидел на самом краю раскопа, глядя, как багровый шар светила опускается за линию далеких холмов, окрашивая пустыню в цвет старой, подсохшей крови. Всю жизнь он рылся в прахе забытых царств, но сегодняшняя находка лежала в его сумке невыносимой тяжестью. Не физической – свинцовая табличка размером с ладонь весила немного. Тяжестью того, что было на ней выцарапано.

«Они идут с края мира, где земля сливается с небом. Реки побегут вспять, и звезды изменят свои пути. Когда состыкуются кольца времени, дыхание великого дракона испепелит все до основания. Ищите тех, кто спит под знаком тройной горы. Только печать согласия остановит колесо».

Бред сумасшедшего провидца? Возможно. Но табличку нашли в слое, которому было пять тысяч лет. И она была не одна. Подобные тексты, с вариациями, он видел в отчетах

коллег из Месопотамии, из долины Инда, с берегов исчезнувшей реки, что питала царства в песках Аравии. Разные языки, разные символы – один и тот же ужас. Одна и та же дата, рассчитанная по движению светил, которую его коллега-астроархеолог вывел лишь на прошлой неделе. Дата, которая приходилась на его время. На завтра.

Шум джипа, режущий тишину пустыни, заставил его вздрогнуть. Из машины вышла Лейла, его аспирантка, лицо ее было бледным даже в сумерках. В руках она сжимала планшет.

– Акил, ты не поверишь. Получили ответ на наш запрос в китайский архив. По шифру «тройная горы».

– И?

– Они прислали фотографии артефактов из гробницы, которую рассекретили месяц назад. Ритуальные диски «би» из нефрита. На них... на них изображена карта. Не Китая. Карта мира. Со всеми нашими цивилизациями. Связанными линиями. И дата. Та же самая.

Акил почувствовал, как ледяная волна пробежала по спине. Древние, заклятые враги, говорившие на непонятных друг другу языках, поклонявшиеся разным богам, торговавшие, воевавшие, жившие будто в разных вселенных... они знали. Они знали друг о друге больше, чем предполагала современная наука. И они в ужасе ждали одного и того же дня. Дня, который должен был наступить через несколько часов.

– Что это было, Лейла? – тихо спросил он, глядя на темнеющее небо, где одна за другой зажигались холодные точки звезд. – Что они видели? Что объединило шумеров, хараппцев, египтян, народы, чьих имен мы даже не знаем?

– Может, это была не катастрофа, – еще тише проговорила Лейла. – Может, это было предупреждение. Послание через время. Не «это случится», а «это может случиться, если...».

«Если вы не найдете печать согласия», – закончил мысль про себя Акил. Он встал, отряхивая с колен древнюю пыль. Песок, помнящий величие, теперь шептал ему о конце. Или о начале. Он посмотрел на восток, где в бархатной тьме уже угадывался силуэт тройной вершины священной для местных племени горы. Той самой, что была обозначена на тысячелетних картах.

– Готовь оборудование, – сказал он, и его голос прозвучал чужим, твердым. – Мы едем туда. У нас есть до рассвета. Чтобы понять, о каком согласии говорили те, кто построил этот мир.

Пустыня молчала в ответ, храня секреты, которым было пять тысяч лет. И которые теперь, казалось, начинали дышать.

Дорогу к тройной горе знали лишь старейшины племени бедуинов, кочевавшего в этой части пустыни. Старик по имени Джамал с лицом, похожим на высохшее русло реки, согласился быть проводником. Его темные глаза изучали

Акила без страха, но с бездонной, возрастной грустью.

– Мои праотцы говорили, что под горой спит великий дух, – сказал он на ломаном английском, пока их джип плыл по лунному морю песка. – Дух не добра и не зла. Он... хранитель равновесия. Когда люди забывают договор, земля содрогается.

– Какой договор? – спросила Лейла, переводя вопрос на арабский.

Джамал долго молчал, лишь потрескивали по радио помехи.

– Договор между теми, кто строит города, и теми, кто хранит землю. Между медью в ваших руках и деревом в наших. Между рекой, что дает жизнь, и пустыней, что дает тишину. Ваши предки из камня... они знали. Но потом их знания стали оружием. Они стали копать слишком глубоко. И разбудили тень.

Акил переглянулся с Лейлой. «Копать слишком глубоко». Археологический жаргон? Или метафора? Внезапно джип резко затормозил. Прямо перед ними, пересекая единственную колею в песке, зияла глубокая трещина. Она не была природной. Ее края были ровными, словно вырезанными лучом. И уходила она вниз, в непроглядную тьму.

– Земля здесь часто трясется, – пробормотал Джамал. – Но такие шрамы... они новые.

Пока Лейла разворачивала георадар, Акил подошел к краю. Воздух из расщелины был холодным и пахнем озоном

и чем-то металлическим, словно из глубины веяло дыханием гигантской машины. Георадар запищал. На экране замерцала сложная трехмерная структура – не пещера, не естественная полость. Это была архитектура. Уходящая вниз на сотни метров сеть тоннелей, залов, камер. Постройка, сравнимая с крупнейшими зиккуратами или пирамидами, но спрятанная под землей.

– Это не гробница, – прошептала Лейла. – Это... убежище. Или архив.

– Или то и другое, – добавил Акил. Его сердце бешено колотилось. Они стояли на пороге. Буквально. Но как спуститься? Трещина была слишком узкой. Нужно было искать вход. Вход, который, согласно логике древних строителей, должен быть отмечен. Он огляделся. Лунный свет падал на скалы у подножия центральной вершины. И там, в игре теней, он увидел то, что пропустил днем: высеченное в камне гигантское изображение. Не бога, не царя. А символа. Трех концентрических кругов, соединенных радиальными линиями. Символа, который он встречал на египетских папирусах как «око гармонии», а на печатях долины Инда как «колесо единства».

– Джамал, что это? – показал он фотографию символа на планшете.

Старик перекрестился, хотя был мусульманином. Старый, доисламский жест защиты.

– Это знак Первого Совета. Знак, который ставили на ме-

стах, где вожди всех народов, всех племен, всех городов собирались, чтобы говорить. Не воевать. Говорить. Чтобы слушать землю и небо. Чтобы договориться о границах для ветра и течения для рек.

«Печать согласия», — осенило Акила. Это был не физический предмет. Это был символ. Протокол. Ритуал. Древнейшая форма ООН, основанная не на силе, а на признании хрупкого равновесия мира. И что-то пошло не так. Цивилизации разорвали этот договор. Ушли в свои амбиции, в свою гордыню, в свою изоляцию. И проснулась «тень». Что бы это ни было.

Внезапно земля под ногами содрогнулась. Несильно, но ощутимо. Из трещины вырвался сдавленный стон, будто где-то в глубинах сдвинулась гигантская каменная плита. И тогда на скале, прямо под символом трех кругов, с тихим скрежетом открылся проем. Совершенно черный, квадратный, неестественно правильный. Он ждал. Дышал на них холодом тысячелетий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.